

Людмила Домненкова

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Твоя одежда говорит громче тебя.

Поговорка

В настоящее время сложилось представление о народном костюме как о своеобразном феномене культуры: о явлении сложном и многоаспектном. Костюм воспринимается как образное отражение разнообразных компонентов культуры народа: духовной (религиозной, эпической, в какой-то степени музыкальной); соционормативной (право, мораль, обычай, ритуал, магия); познавательной (эмпирические и научные знания, опыт, эмоциональное, сенсуальное познание мира через искусство в самых различных формах и проявлениях). Процесс формирования народного костюма существует во времени и пространстве. На него оказывает влияние совокупность самых различных факторов: природно-климатических, социально-политических, экономических и т.д.

Костюм выполняет этнодифференцирующие и этноинтегрирующие функции, то есть позволяет показать место в социальной иерархии, отделиться от одних и присоединиться к другим. Он кодирует в себе информацию о носителе и отражает пол, возраст, территорию происхождения, этнос, конфессию и т.д. С одной стороны, костюм сливается с человеком, становится его естественной оболочкой, выражением, знаком самого себя, с другой — противостоит окружению, зашифрует человека. Таким образом складывалась определенная система символов, которая через составные части комплекса, орнамент, цвет, характер их взаимосвязи отражала взаимоотношения человека с миром.

Традиционный костюм пронизан народной символикой, истоками уходящей в период архаической древности. Эти символы представляют необычайно устойчивые образования

и составляют проходящую через все эпохи линию развития первичных форм сознания¹.

Народный костюм — явление динамичное: он изменяется вместе с переменами в обществе. Традиционный комплекс одежды аккумулирует в себе элементы, возникшие в разные исторические эпохи, что позволяет рассматривать его развитие «по вертикали», то есть в разных хронологических срезах, и «по горизонтали» — в пространстве (в процессе перемещения по территории обнаруживается постепенное накопление отличий в одежде). Какие-то элементы сохраняются в костюме и продолжают долгое свое функционирование, какие-то практически бесследно исчезают.

Народный костюм отражает направленность развития форм одежды, особенности культурной ориентации различных социальных слоев. Культура широких масс населения на всех этапах развития в той или иной степени противостояла официальной культуре господствующего класса. Это нашло выражение в выработке своей собственной точки зрения на мир и особых форм его образного отражения в костюме.

Костюм органично и полно отражает своеобразие и неповторимость каждого народа. Выражая характерное, специфическое, свойственное определенной нации, он одновременно включает в себя и элементы общечеловеческой культуры. Особенно много сходного представляют культуры народов, имеющих общие генетические корни. Аналогичные явления прослеживаются здесь на различных уровнях: типологическом, конструктивном, декоративном, знаковом, обереговом и др. Костюм этноконтактных территорий раскрывает процессы культурного взаимодействия и объясняет механизм проникновения инноваций.

Такова теоретическая модель народного костюма, которая отражает сложность как самого явления, так и сложность изучения, поскольку требует учета действия многообразия факторов.

Обращаясь к народному костюму белорусов, нельзя не учитывать состояние его изучения. Следует подчеркнуть, что исследовательские интересы в основном концентрируются на крестьянской одежде XIX — начала XX века. Среди научной литературы, которая и по сей день незначительна по объему, следует отметить два основополагающих труда — монографию, изданную в 1975 г. ИИЭФ НАН Беларуси, «Беларускае народнае адзенне» [1] и замечательный фотоальбом Михаила Федоровича Романюка [7] под таким же названием (фотоальбом стал раритетом, и его переиздание актуально). В достаточной степени компактно материал по крестьянской одежде представлен в монографии Л. А. Молчановой «Материальная культура белорусов» [5]. Недавно вышла в свет кни-

¹ Рубцов Н. Н. Символ в искусстве и жизни. М., 1991. С. 108.

² Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. Мн., 1989.

¹ Народныя паясы — мастацтва і рамяство: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі. Мн., 1994; Сахута Е. М. Беларускае народнае дэкаратыўна-прыкладное мастацтва. Мн., 1996; Лабачэўская В. А. Зберагаючы самабытнасць: 3 гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі. Мн., 1998; Ткацтва: Збор матэрыялаў па бел. нар. ткацтву / Уклад. В. А. Лабачэўская. Мн., БелДІПК, 1999; Этнаграфія беларускага Падняпроўя: Матэрыялы навуковай канферэнцыі 30 лістапада — 1 снежня 1999 г. Мн., 1999.

га Л. И. Маленко «Беларускі народны касцюм» [4]. В монографиях А. Н. Курилович «Белорусское народное ткачество» [3], О. Е. Фадеевой «Беларуская народная вышыўка» [10] и книге В. И. Селивончик и М. Н. Винниковой «Возрождение ремесла» [8] рассмотрение вышивки и ткачества тесно связано с народным костюмом. Народный костюм рассматривается в работах, посвященных этнической истории и материальной культуре белорусов, в контексте поставленных исследователями задач². Эти издания дополняются множеством научных публикаций³.

Создается ощущение, что в исследовании народного костюма достигнуто очень много. Действительно, в настоящий момент достаточно хорошо изучена крестьянская одежда конца XIX — начала XX века с позиций различных познавательных задач. Выявлены основные типы и подтипы традиционной одежды, определены региональные и локальные варианты, очерчены территории их бытования, рассмотрена диалектная терминология, используемые материалы, характер, колористическое решение и декоративные приемы ее оформления, особенности ношения и др. Отмечается активизация научных исследований традиционного костюма как полисемантической знаковой системы этноса. Все вышесказанное говорит в пользу бытующего мнения, что о костюме белорусов мы уже знаем все. В то же время следует обозначить многие исследовательские проблемы, которые требуют поддержки.

История костюма, моды на Беларуси представляется областью практически не изученной. Можно, пожалуй, назвать работу Л. В. Дучиц «Касцюм жыхароў Беларусі X — XIII стагоддзяў» [2], написанную по археологическим материалам, обобщающую работу Л. В. Улашика «Одежда белорусов XVI — XVIII вв.» [9] в сборнике «Древняя одежда народов Восточной Европы» и раздел в монографии Л. А. Молчановой «Очерки материальной культуры белорусов XVI — XVIII вв.» [6].

Обращение к историческим и искусствоведческим исследованиям показывает, что сложилась определенная периодизация истории развития костюма на территории Беларуси: X — XIII века, XIV — начало XVI века, XVI — XVIII века, XVIII — середина XIX века, конец XIX — начало XX века. Представление о формировании комплекса одежды первого периода можно получить из уже названной книги Людмилы Дучиц «Касцюм жыхароў Беларусі X — XIII стагоддзяў», в которой автор рассматривает костюм, опираясь на богатый археологический материал с позиций сословно-классовой организации общества этого периода. Следует отметить, что это наиболее разработанный период в истории костюма на Беларуси. Дальнейшие временные срезы представляют собой особенно

проблемную и практически неисследованную область. Источники изучения костюма могли быть весьма разнообразны: хранящиеся в собраниях музеев костюмы и аксессуары, ткани, подробные описания кроя, особенностей и способов ношения. Однако такого мы не имеем. В основном это немногочисленные письменные источники, а также несколько бедноватый для этого временного отрезка археологический и иконографический материал.

Геополитическое положение белорусских земель между Востоком и Западом несомненно должно было способствовать синтезированию греко-византийского культурного наследия с духовными ценностями западноевропейского мира. Не следует забывать о воздействии такого мощного идеологического фактора, как генетическая идея происхождения от «сарматского племени». Несомненно, что история костюма (по крайней мере, средневекового) на Беларуси отличается как от русского, так и в какой-то степени от европейского. Имеющийся иконографический материал (коллекция портретов XVI — XVIII веков) прекрасно иллюстрирует две тенденции в развитии аристократического костюма, представляя широкий спектр сарматских костюмов, с одной стороны, и последовательно сменяющихся испанских, голландских и французских мод — с другой стороны.

Сведения по костюму весьма фрагментарны, во многом противоречивы и не составляют даже приблизительной картины развития нарядов и мод. Письменные источники (АВАК, ИЮМ, АСД) содержат обширную информацию по названиям нарядов и мод (только по верхней одежде: *армяк, бекеша, долман, дылея, ферезея, сардак, чуга, шуба, кунтуш, жупан, ваўчур, зипун* и т.д.). Однако сведения по крою, тканям, способам ношения, социальной привязке, времени возникновения той или иной одежды неполны, неточны, а порой и перепутаны. Все, что известно о *долмане*, что это гусарский плащ, который так же, как и *дылея*, и *епанча*, имеет широкие рукава и широкий воротник. Так в чем же различие между ними? Какие ткани использовались для их пошива? Каковы особенности их кроя? Аналогично и с используемыми тканями, о которых мы знаем так же мало, как и о составных частях костюма. Даже о встречаемом чаще всего *лундыше* знаем лишь то, что это — простое сукно лондонского или голландского происхождения.

Ясно, что изучение истории белорусского костюма, моды требует привлечения самых разнообразных источников, и особенно польских, что даст нам богатый материал для научного анализа и систематизации, позволит более или менее полно реконструировать костюм различных слоев шляхты, жителей городов и местечек, сельского населения.

⁴ Тананаева Л. И. Сарматский портрет. М., 1979. С. 177.

⁵ Исключением может служить книга Адама Мальдиса «Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя».

⁶ Например, каким образом получается тонкая, почти прозрачная с е р п а н к о в а я ткань.

Пристальное внимание к костюму шляхты не случайно и объясняется специфическим положением широких слоев средней и мелкой шляхты, их стилем жизни и культурными запросами, которые во многом сближали ее с крестьянством. И этот факт весьма для нас значим. Несмотря на четкую социальную дистанцию, отношения шляхты и крестьянства были живыми и непосредственными. Крестьяне, безусловно, ненавидели двор, относились к нему с подозрением и недоброжелательностью, однако одновременно он им импонировал, они охотно подхватывали моды и обычаи шляхты.⁴ Именно этот слой шляхты выступал проводником в крестьянскую среду и первым адаптером инновационных явлений, возникающих в аристократической среде под влиянием модных (чаще европейских) тенденций.

Если развитие костюма до XVIII века в какой-то степени привлекало внимание исследователей, то последующие периоды — это «terra incognita»⁵. И какой бы вопрос мы ни задали, на него нет ясного ответа: как воспринимались европейские моды разными социальными группами, в какой степени сохранялись традиционные одежды, оказал ли крестьянский костюм такое влияние на аристократический, как это было в России, и многое другое.

Даже в изучении крестьянской одежды многие исследовательские аспекты не до конца нашли свое отражение. Начнем с терминологии. Богатство и разнообразие форм народной одежды находит яркое выражение в названиях. Большое число наименований того или иного вида одежды на определенной территории — одно из свидетельств давности его бытования, адаптации к местным условиям, эволюционирования, восприятия как органичного компонента культуры этноса. Комплексное исследование терминологии народной одежды дает возможность расширить наше представление о костюме, определить источник и направленность культурных процессов (пример: распространение термина «кашуля» и «сорочка»).

Нет исследователя народного костюма, который бы не затрагивал вопроса о традиционных тканях. Чаще рассматривается процесс изготовления тканей, а посему анализ приобретает явно описательный характер. Количественные и качественные параметры материала (размер, вес, плотность, фактура, цвет и т.д.), способы отделки (отбеливание, окрашивание, валяние и т.д.)⁶, их изменения во времени, региональные и локальные отличия — те аспекты, которые лежат в основе понимания особенностей формообразования белорусского народного костюма.

Крой элементов костюмного комплекса, технология обработки узлов и деталей, приемы декоративного украшения — еще одна исследовательская задача.

Следует отметить и существование определенных исследовательских установок. Этнографические экспедиции (в большей степени по южной части Беларуси), давшие богатый материал по традиционному костюму, сформировали у исследователей определенную установку на его восприятие. Результатом этого стал поиск наиболее старинных образцов одежды, украшенных вышитой или тканой орнаментикой. Все, что выходило за рамки «идеального» представления (собственного у каждого исследователя) о костюме той или иной местности, порой выпадало из внимания собирателя.

В результате процесс смены форм в традиционном костюме под влиянием расширения информационных каналов (отходничество, работа в ближайших городах, ярмарки и т.д.), появления новых материалов и технологий не предстает цельно и ясно. Особенно ярко эти процессы отмечались на севере Беларуси, где найти традиционные строи для собирателей было явлением крайне редким. Мы связываем изменения в костюме с влиянием городской культуры, имея недостаточно четкое представление об этом процессе. Материалы этнографических экспедиций (судя по материалам сектора этнографии ИИЭФ) указывают на появление и широкое распространение в традиционном костюме в северной части Беларуси новых конструктивных и декоративных приемов: оборок, вытачек, зашипов, кармашков, фигурных подрезов, разнообразных по форме воротников и т.д., изменения колористической гаммы костюма. При этом в нем, как и в традиционном комплексе, юбка с передником выступают организующим началом и не разрушают «идеологии» костюма, сохраняют традиционно сложившуюся схему.

Отмечается и другая картина в развитии костюма сельского населения (что хорошо прослеживается по фотографиям начала века), когда распространяется сарафан. Нет необходимости доказывать, что это совершенно нехарактерный для белорусского традиционного костюма компонент (не будем сравнивать с типологически иной формой, представляющей собой слияние традиционной спадницы и безрукавки, что все же следует связывать с влиянием русского сарафанного комплекса). Явление есть, а для ответа на вопрос о времени появления, характеристике форм и направленности распространения явно недостаточно данных.

Инновационные процессы рубежа XX века в традиционном костюме приводят к модифицированию функций многих элементов костюма. Вхождение в комплекс кофты (плечевого изделия с рукавами) изменило отношение к сорочке и безрукавке, которые уже выполняют функцию белья. Иное назначение реализуется в иных конструктивных решениях. Такие кардинальные изменения дают нам повод озвучить еще один исследовательский аспект: белье и нижняя одежда в культуре

белорусов, что актуально и в приложении как к аристократической среде, так и крестьянской, и местечковой.

С позиций исследователей XXI века становится злободневным воссоздание картины развития костюма на всем протяжении XX века. В результате этнографических экспедиций 2-й половины прошлого века в музейных коллекциях появились уникальные образцы, отражающие индивидуально-творческие установки создателя и носителя. Как правило, это костюмы, для которых характерно узколокальное распространение. Своеобразие местных вариантов, получаемых в результате соединения местной традиции и модных инноваций, является логическим продолжением и следующей страницей в истории народного костюма.

Углубленное изучение костюма и мод и эффективное использование разнообразных информационных каналов важно в процессе формирования образа национального костюма, самоидентификации белорусов, вхождения в мировое культурное пространство.

Можно говорить о существовании некой модели, обобщенного образа, представления субъекта о традиционном костюме. В силу разнообразия индивидуальных мнений эта модель также многообразна. Этому способствует и многочисленность информационных каналов, обеспечивающих доступ к обширному фактологическому материалу (музеи, научные и популярные издания, массовые мероприятия и т.д.), и индивидуальные способы его освоения (в зависимости от уровня образования, экономической и политической ситуации, личных мировоззренческих позиций и т.д.).

Ментальность, понимание и оценка самих себя и окружения сказывается на степени изучения традиционного костюма. Можно говорить, что определенная направленность идеологической работы в советское время естественным образом смещала акцент на изучение народной культуры, ее возрождение. Огромное количество зрелишных мероприятий этого времени привело к формированию в массовом сознании достаточно устойчивых, хотя в какой-то степени однообразных моделей национально-специфического костюма⁷.

Модель национального костюма все же следует рассматривать не как существующую в действительности реалию, а скорее как логическую структуру, формальный образ, идеальное суждение народа о себе самом. Изменения в обществе, накопление и научное осмысление материалов по народному костюму видоизменяют представление о процессе формирования такой модели. Понимание, что содержание костюма, его смысловая наполненность является определенной системой знаковых кодов, направленных на репродукцию благополучия, объясняет и процесс формирования ярко выраженно-

⁷ Так, русский костюм традиционно ассоциировался с сарафаном и кокошником, украинский — с плахтой, японский — с кимоно, а индийский — с сари и т.д.

го, обобщенного образа национальной модели костюма. Не случайно у русских — это обращение к костюму наиболее свободной и зажиточной части населения Русского Севера с парчовым сарафаном, жемчужным кокошником, подбитым мехом шугаем, огромным вышитым шелком и золотой нитью фабричным платком, а не к архаичному южнорусскому паневному костюму крепостного крестьянства. Аналогичные явления отмечаем не только у славян, но и у японцев, корейцев и т.д.

Кардинальные изменения в обществе, расширение сфер культурного сотрудничества, процессы глобализации стимулировали новый виток интереса к национально-специфическим явлениям культуры, народному костюму. Обращение к новым технологиям позволяет значительно расширить возможности получения такого рода информации, воздействовать на процесс формирования эстетической потребности и чуткости к традиционной культуре, адекватного ее восприятия.

Понимание роли и степени воздействия сценического облика костюма привело к сотворчеству ученого, художника и мастера (часто в одном лице). Благодаря этому нашли блестящее воплощение очень многие теоретические разработки использования народных традиций — принципы и приемы интерпретации традиционной одежды, меры условности (от аутентичной до образно-эмоциональной стилизации), этапы самого процесса создания, проблемы использования традиционных и современных технологий и т.д. Следует подчеркнуть, что значительность влияния на формирование образа национально идентифицирующейся модели костюма сценических вариаций народных строев ставит задачу высокопрофессионального подхода как художников-разработчиков, так и сценографов, режиссеров, постановщиков и т.д.

На современном этапе чрезвычайно важным становится не только решение сугубо научно-исследовательских задач, но и обеспечение широкого доступа к информации, возможности прямого общения со специалистами и исследователями, поиск неординарных форм и путей проникновения традиционной культуры костюма во все сферы современной жизни.

Литература

1. Беларускае народнае адзенне. Мн., 1975.
2. Дучыц Л.У. Касцюм жыхароў Беларусі X — XIII стст. Мн., 1995.
3. Курилович А. Н. Белорусское народное ткачество. Мн., 1981.
4. Маленка Л. І. Беларускі народны касцюм. Мн., 2001.
5. Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. Мн., 1968.
6. Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI — XVIII вв. Мн., 1981.
7. Раманюк М. Ф. Беларускае народнае адзенне. Мн., 1981.
8. Селивончик В. И., Винникова М. Н. Возрождение ремесла. Мн., 1993.
9. Улашик Н. Н. Одежда белорусов XVI — XVIII вв. М., 1986.
10. Фадзеева В. Я. Беларуская народная вышыўка. Мн., 1991.